УДК 130: 572.028.

ПЕТРУШОВ В.М.

(д.філос. н., професор, завідувач кафедри філософія та соціологія Української державної академії залізничного транспорту, м.Харків)

ОТ ОТНТОЛОГИИ К ГРАММАТОЛОГИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА СВОБОДНУЮ ТЕМУ

"Высвобождение языка из-под грамматики
на простор какой-то более исходной сущностной
структуры препоручено мысли и поэзии"
М.Хайдеггер [1,с.267]

В статье автор размышляет о движении европейской философской мысли, которое завело её в постмодернистские тупики, показывает, что путь от онтологии к грамматологии обнажает, кричащие проблемы бытия современного человека и порождает необходимость возврата к классической философской рефлексии.

Ключевые слова: онтология, грамматология, текст, структурализм, постмодернизм.

В.М. Петрушов ВІД ОНТОЛОГІЇ ДО ГРАМАТОЛОГІЇ: РОЗДУМИ НА ВІЛЬНУ ТЕМУ У статті автор розмірковує про рух європейської філософської думки, який привів її в постмодерністські глухі кути, показує, що шлях від онтології до граматології оголює кричущі проблеми буття сучасної людини, породжуючи необхідність повернення до класичної філософської рефлексії.

Ключові слова: онтологія, граматологія, текст, структуралізм, постмодернізм.

© Петрушов В.М. , 2011

V.M. Petrushov FROM ONTOLOGY TO GRAMMATOLOGY: A FREE METICULATION
The author reflects on the movement of European philosophical thought, which has brought it to the postmodern dead-ends, shows that the path of ontology has to grammatology, shouting challenges of being a modern man, and gives rise to the need to return to the classical philosophical reflection.
Keywords: ontology, grammatologiya, text, structuralism, post-modernism

Не будем утверждать, что Деррида не читал этих хайдеггеровских строк, как и то, что он не воспользовался ими при написании своей известной книги. «О грамматологии» (1967) [2]. Как бы там ни было, но «грамматологический простор» стал для многих структуристов и постструктуралистов местом многообразных мыслительных экспериментов с пространством – всевозможные «складки», «выпуклости-вогнутости», «вывернутые на изнанку полости» и прочее. Однако за изобилием специфических терминов и понятий структуралистских (откровенно говоря, постмодернистских, хотя Деррида возражал против самого слова «постмодерн») дискурсов, нельзя упустить из виду главное стремление новоявленных «критиков метафизики» – четко обозначить границы метафизической мысли, для чего сам текст подвергается так называемой деконструкции (перевод хайдегеровского «destruktion» – такого переосмысления европейской философской традиции как традиции метафизики, где главным моментом является не разрушение, а позитивное смыслостроительство).

Возвращаясь к понятию грамматологии, отметим, что Деррида трактовал ее, как особую познавательную дисциплину, которая призвана изучать роль широко понимаемого «письма» в культуре. Поэтому уважающий себя философ, проникнутый в своем мышлении духом метафизики, вечной как сам мир, едва ли согласится отнести грамматологические изыскания, а, тем более – вытеснение метафизики на периферию нашего духовного кругозора, к плодотворным усилиям философского разума. Ведь при всех притязаниях писателей, литературоведов и всех мастей искусствоведов на расположение к себе философии, их попытки занять в ней даже скромную роль тщетны: писать , даже успешно писать, вовсе не означает философствовать (а тем более –для кого и как пишут нынешние писатели, патологично увязшие не то что в фаллоцентризме, а в клиническом вагинизме, известно всему миру). Поэтому мыслящим философам следует искать не границы метафизики» (если мы не хотим лишиться оставшегося здравомыслия), а решительно отмеживаться от всего того, что пафосно и заносчиво себя величает «неклассической философией». Но не стоит опускаться до оценки «художественных опусов» андруховичей, курковых, пелевиных и оных с ними, пустая трата времени – за большими деньгами философские истины не рассмотреть, ибо, деньги, пожирающие мир и человека, не нуждаются даже в унизившей себя до «падшего духа» – «философии богатства»! Важен и другой вопрос, кто именно из философов вошел в кагорту «нетрадиционалистов», открывших эпоху неклассического мышления? Хуже всего, когда решают за тех людей, которых уже нет в живых. Хайдеггер с удивлением для себя отмечает еще при жизни, что он дескать есть представитель экзистенциализма, а Гуссерль никак не мог смириться с тем, что его феноменология воспринимается как «строгая наука» (буквально!), а не как философия! И кто же наделил полномочиями раздавать «ранги» велики философов тем, кого вообще трудно заметить на общем фоне гениальных полотен философских картин?! Много можно сказать и о Ницше , и о Фрейде, и о Шпенглере и о многих других, которые внесли новый дух мировосприятия в наше время. Но учитель – Гуссерль и ученик – Хайдеггер стоят вне

любых классификаций течений и направлений современного и минувшего философствования. Это философы будущего, их наследие уникально и до конца так еще и не осознано (их «последователи» явно поторопились с тем, чтобы «примерить» на свой ум идеи великих мыслителей).

В чем же историческая заслуга Гуссерля и Хайдеггера? В том , что только у них проявились мужество и ответственность философствовать онтологически, сохраняя традицию метафизики «созерцать бытие», эксплицировать его в духе времени и вне времени, когда речь шла о вечном. Иным философам не хватило ни «духа присутствия» (в смысле бытия), ни «присутствия духа» (в смысле величия разума), чтобы продолжить «великую философию» Гуссерля-Хайдеггера!

В начале большого пути «от онтологии к грамматологии» исключительно важным моментом является «необходимость радикально нового начала философии» (Гуссерль). И дело не в том, что «онтологическое начало» с античных времен увлекло бы нас в безбрежную историю философии (в этом как раз нет ничего предосудительного), а дело в том, что ныне в философском мире возникла та же ситуация, что и в юности Декарта, и в зрелые годы Гуссерля: «Раздробленность современной философии в ее непрестанном усердии заставляет нас задуматься. Если мы пытаемся рассматривать западную философию с точки зрения единой науки, то невозможно отрицать тот факт, что с середины прошлого столетия, если сравнить этот период с прошлыми временами, начинается несомненный упадок. В постановке целей, в проблематике и методике это единство было потеряно. Когда с началом Нового времени религиозная вера стала все более вырождаться в безжизненную конвенцию, мыслящее человечество обратилось к новой вере, вере в автономную философию и науку. Научные прозрения должны были бы вести за собой и проясняли всю совокупную человеческую культуру, преобразовывая ее тем самым в новую автономную культуру.

Однако и эта вера стала между тем не подлинной и пришла в упадок. И не без оснований. Вместо целостной и полной жизни философии мы имеем безбрежную, но почти лишенную всякой взаимной связи философскую литературу; вместо серьезной полемики спорящих друг с другом теорий, которые все же обнаруживают в споре свою внутреннюю близость, свою общность в основных убеждениях и в непоколебимой вере в подлинную философию, мы имеем видимость сообщаемых результатов и видимость критики, только видимость серьезного философствования друг с другом и друг для друга. Здесь никак не проявляется сознательное и ответственное взаимное изучение в духе серьезной совместной работы и стремления к объективно значимым результатам. Объективно- значимые – это означает все же не что иное, как проясненные во взаимной критике и выдерживающие любую критику результаты. Но как же возможны настоящие исследования и настоящая совместная работа там, где так много философов и почти столько же философий? Правда, у нас есть еще философские конгрессы – вместе собираются философы. Но, к сожалению, не философии. Им недостает единства некоего духовного пространства, в котором они могли бы существовать друг для друга и друг на друга воздействовать. Вполне возможно, внутри отдельных школ или направлений дело обстоит лучше ; но учитывая, что они разобщены, и принимая во внимание общую картину современной философии, мы можем сказать, что наша характеристика остается справедливой» [3, с.16-17].

Эти строки написаны Гуссерлем в 1931 году. Минувшие 80 лет практически ничего не изменили в общей ситуации, обрисованной философом. И это при всем том, что мир остро

нуждается в парадигмах, способных вывести человечество из кризисного тупика, в котором оно пребывает с момента окончания второй мировой войны!

Не говорит ли это нам о том, что современные философы просто не в состоянии превзойти и Гуссерля, и Хайдеггера, отбрасывая на наши умы лишь жалкую тень своих трактатов, неудачно преломляющих идеи феноменологии и фундаментальной онтологии?

А может быть поражение Германии во второй мировой войне явилось прологом к идеологическому вырождению человеческого разума по той лишь причине, что значительные философские системы стимулируют изменение мирового порядка, пробуждая активные слои общества, будь-то на национальной почве или же на почве интернационального единства?

Огромные потери частной собственности в военное время законсервировали философское мышление с тем, чтобы не дать ему никогда больше возродиться!

Философы послевоенных лет словно оцепенели, источая пессимизм и выискивая для себя уютные и тихие ниши бесплодных мечтаний, отнюдь не волнующих думающих людей.

Гуссерль взывает к философскому сообществу: «Не время ли обновить его (декартовский, авт.) радикализм – философа, полагающего новое начало, а также повергнуть ниспровержению необозримую философскую литературу, в которой смешаны великие традиции, попытки серьезных начинаний и модное литературное предприятие (рассчитанное на впечатление, а не на проработку), и начать с новых Meditationes de Prima Philosophia?

Разве, в конечном счете отчаянное положение нашей философии не сводится к тому, что импульсы, излучаемые прежними Медитациями, лишились своей начальной жизненности, и лишились именно потому, что оказался утраченным дух радикализма философской ответственности перед самим собой? (подчеркнуто авт.). Не составляет ли фундаментальный смысл подлинной философии лишь кажущееся чрезмерным требование философии, формирующей себя в действительной автономии и исходящей из предельных, порожденных в ней самой очевидностей, и осознающей, поэтому свою абсолютную ответственность?» [3,с.17].

К сожалению, сей призыв великого мыслителя не был услышан ни его современниками, ни нынешним поколением философов! Утрачен «дух радикализма философской ответственности перед самим собой», судя по всему, окончательно, а привить его изначально препятствует мировая система господства денег и власти, о которой философы стараются говорить метафорами, почти иносказательно (смотри «генеалогию власти» Фуко, оставивший без внимания вопрос о возможности сопротивления власти). Ведь не зря же Хайдеггер писал: «Век образования идет к концу не потому, что необразованные приходят к власти (ведь не одного же Гитлера имел ввиду Хайдеггер, ныне это явление укоренилось благодаря деньгам и отсутствию морали в обществе,-авт.), а потому, что становятся видны знамения такой эпохи мира, когда достойное вопроса снова откроет двери к существу всех вещей и судеб [4,с.349]. «Знамения такой эпохи мира» всегда обозначали мировую войну, ибо только она и способна «снова открыть двери к существу всех вещей и судеб»: раз философы уклоняются от прояснения «достойного вопроса», за них проблему решит сама история, о которой порассуждать склонны многие.

Что ж, такова цена разобщенности философии и ее конформизма к существующему порядку вещей в мире. Гуссерль, то ли оправдываясь за «больную философию», то ли предвидя последующий ход событий, замечает: «Тоски по философии, полной жизни, вызвала в новейшее время разнообразные ренессансы» [3с.17]. Но здесь нельзя удержаться от

реплики: «Великий Учитель! Тоска не излечивает, от тоски - умирают». И если кто-то на грустной волне «тоски по философии» изобрел «неопозитивизм», «неореализм», «структурализм»,и «поструктурализм», «неофрейдизм» и «постмодерн», то это свидетельствует вовсе не о ренессансе философии, а о ее мучительном умирании в томительном забвении гениальных имен и идей.

Касается ли все это «грамматологии» Деррида? Конечно же, это типичный представитель несостоявшегося ренессанса философии. Мысль об установлении каких-либо границ метафизики и текстов ее воспроизводящих не относится к философским способностям интеллектуала, ибо вне метафизики человеческая ценность ума есть пустое признание декартовского ego cogito sum- и точка! Эксплицировать этот тезис вне метафизических суждений – либо непонимание сути вопроса, либо глупое «сопротивление» самого структуралиста, а вовсе не текста, как на этом настаивает сам Деррида.

В истории философии давно известен факт: если нечем о себе заявить в философском мире, тогда начинай ниспровергать метафизику! метафизики и попытки ее устранения шли по двум направлениям: 1) принимая принцип верификации, представители логического эмпиризма полагали, что утверждения метафизики бессмысленны, в то время как утверждения науки либо истинны, либо ложны; 2) отвергая онтологию, присущую классической философии, представители логического позитивизма (Гемпель) настаивали на том, что необходимо перейти от онтологических утверждений к языковым структурам, выбор между которыми осуществляется в соответствии с прагматическими критериями. Конечно же, и «грамматология» двинулась в этом направлении.

Начав с критической оценки «новых философий», будем считать достаточными высказанные замечания, а общий вывод таков: не слабость мысли свойственна «новым философам», а присутствие «духа противоречий», обнажившее стремление покончить с классической философией. Достойно ли это занятие звания философа? Вызывает глубокое сомнение! Что же касается самого структурализма и его «второй волны» - постструктурализма, то это интересная мыслительная практика, которой, без сомнения, могут заниматься писатели, критики и даже политтехнологи. Так, например, деконструктивисты вскрыли разрывы сознания, которые не объясняются им самим. Фуко и Делез установили, что феномены власти разрывают сознание извне [Окороков В.Б. «Релятивистская реконструкция феноменол.топологий мышления Э.Гуссерля и М.Хайдеггера» - Днепропетровск, 2004, с.15]. Кто бы в этом сомневался , зная, что «вытворяют» масс-медиа с нашим сознанием!

Но не только внешние «разрывы» сознания, обусловленные технологиями политической власти (например, миф о «столкновении цивилизаций», подогревающий и нагнетающий страх перед террористами [5],но и внутренние «разрывы», открытые психоанализом, такие, как табу, фобии, фетиши, активно используются политтехнологами с целью манипуляции состоянием сознания населения не только в развитых странах, где благополучие превращается в мираж, но и в странах «третьего мира», где людям, по сути, уже терять нечего. Если быть последовательным в оценке постструктурализма (как как постмодернизма в целом), то это ни что иное как практика «внедрения» в сознание людей через тексты в самом широком их понимании: сознание уподобляться и отождествляется с бытием – хайдегеровское Dasein превращается в объект «онтологических манипуляций» и откровенных экспериментов со свободой мышления. Последнее ярко обнаруживает себя во всевозможных «Шоу», где зрители и участники всего лишь «марионетки присутствия».

Мыслить им не дано, за них работает «сценарий в интерактивном режиме». Развлекаясь, человек утрачивает способность к критическому мышлению, структура образа (персонажа) «размывается» световыми и звуковыми сопроводительными эффектами, наигранной политической «дискуссией», в конечном итоге, искусственно навязанным «реализмом» событий. Заключить подвластное население страны в «концлагерь развлечений» (банальное советское « добровольно и с песнями»).

Таким образом, терминология структурализма («безумие», «тюрьма», «табу») перекочевала из философских текстов в повседневную практику «обуздания масс» (Структуры не выходят на улицы»- постструктуралистская сентенция, возникшая на гребне чехословацких событий 1968 года) способами выворачивания сознания людей «наизнанку» путем аффектации, телесных проекций и жестов («Танцуют все!»). Впрочем - технологии новые, а идея стара, как мир- «народ всегда желает хлеба и зрелищ!»

К слову, говоря, структуралистские изобретения форм выражения «бытия желаний» совершили настоящий прорыв в область телесности: современные стили одежды, тематическое изобилие показа форм сексуальности и эротизма, физическое насилие и культивирование смерти, формирование и воспитание плоти как товара (услуг), спорт, модельный бизнес, проституция и т.д., формирование состояний сознания, над которыми субъект сознания не властен (страх, шок, эйфория и проч.). Все это демонстративно насаждается людьми вне всяких норм морали и духовности, что в целом можно назвать нравственным садизмом или «испарением остатков человечности»!

Задумывались ли когда-либо «новы философы» (Фуко, Делез, Лакан, Деррида и прочая рать), что их «эксперименты» над сознанием и душой человека носят родственный характер варварским экспериментам в психологии, медицине и биологии по трансформации человеческой природы?! Создается лишь видимость отсутствия идеологии в обществе (по крайней мере, с исчезновением коммунистической идеологии), на самом же деле – постмодернистская идеология со всеми ее структуралистскими оттенками, которая сродни «духовному фашизму», воинственно довлеет над обществом благодаря таким как Рорти, Фуко, Делез, Гваттари, Бодрийар, Лиотар: для них человек оказался предметом зарабатывания имени, но не «сущим бытия», требующим истинного философствования.

Ну, а как же быть с движением философской мысли «от онтологии к граматологии»? Путь завершен. В информационном обществе господствует Гипертекст- все, что существует в виде информации- человек, Internet, правительство, фирмы, оружие, природа – все это носит гипертекстуальный характер. Само управление, перемещаясь в 3D-пространство, гипертекстуально! Мир больше не бытийствует, он теперь Тексто-порождающая среда, в которой нет места метафизике, Богу, Человеку! Экспансия текстовых структур, вышедшая за границы структуры, стала приговором Homo sapiens- думать более нет нужды, ведь все содержится в текстах. Гипертекст есть « информационное бытие»- альтернативное бытию человеческому. Есть «образ человека», но нет человека живущего. Кто в этом сомневается, пусть попытается избавиться от своего «идентификационного кода» и стать вновь «безномерным существом»…До тотальной «типизации» населения планеты остался один, последний шаг: наполнить продукты питания мукой с нанопищевыми добавками. Итогда даже родившийся младенец будет включен в планетарную Гиперсеть Глобального Повиновения – жить ли, умереть ли, страдать или восстать- все будет решать текстовый Иерарх. Это уже ближайшая реальность в действии, здесь уже нет места разговорам о вере в

нечто подобное; живя, человек думает, что он живет. В этом его глубочайшее заблуждение! Один из немногих прозревших философов, посмевший говорить правду о действительности, пишет: «Надеясь на мораль, на абстрактные, аморфные увещевания о силе духа, о воздаянии, на то, что, в конце концов, придет честный, следовательно, бедный правитель, человек всегда останется в плену обмана и игрушкой в руках тех, кому этот обман нужен. Выход из этого обмана- в понимании сущности законов финансовой цивилизации. А если так, то нужно готовить себя к жестокой, суровой жизни, где нет пощады слабым, добрым и честным. Деньги как власть, любят силу и «ratio» [6,с.474-475]

Не потому ли в предновогоднем интервью спикер парламента , доктор исторических наук В.Литвин заявил, что «Украина пребывает на этапе первичного накопления капитала, поэтому у депутатов отсутствует честность и порядочность». Зато как откровенно! К тому же с глубоким знанием истории!

ЛІТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / Время и бытие: статьи и выступления.- М., 2007.
2. Деррида Ж. О грамотологии.- М., 2000.
3. Гуссерль Э. Картезианские медитации.- М., 2010.
4. Хайдеггер М. Наука и осмысление/ Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.
5. Петрушов В.М. Європейський адогматизм: історико- філософська ретроспектива, сучасні інтенції.- Харків, 2007
6. Ильин В.В. Власть и деньги. – Киев. 2008.